

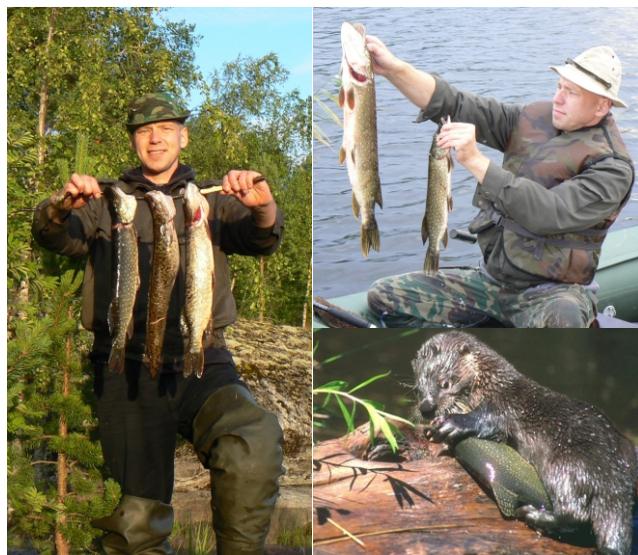
Как рыбачка выдра перехитрила рыбака

Со стороны открытого озера нарастал шум – это надвигалась плотная стена дождя. Наскоро смотав рыболовные снасти, я запрыгнул в челнок и налёг на вёсла. Моя плоскодонка шлёпалась брюхом по нарастающей волне, едва держась на плаву. Мокрый до нитки, я оставил рыбу в лодке и бросился к палатке. Всю ночь бушевала стихия, молнии озарялись огненными всполохами, грозные раскаты грома били по земле тяжёлыми булавами. Только на рассвете буря выдохлась, и нежный восход возвестил о рождении нового дня. А утром обнаружилось, что из лодки пропал весь мой улов. Кто хозяйничает на безлюдном острове? В следующие дни кражи продолжались, «лихие разбойники» без стеснения орудовали все ближе и ближе к моему биваку. И вот как-то ночью я проснулся от странных звуков, – это стучал котелок с остатками ухи. Пока выбирался из палатки, незваного гостя и след простыл; котелок валялся на боку, а кусок щуки бесследно исчез. Чьи же это проделки? Надо выследить воришку. К вечеру следующего дня я раскидал по берегу рыбью мелочь и притаился в зарослях ивняка. Ждать долго не пришлось. Из воды вынырнула усатая мордочка, огляделась по сторонам, и неведомый зверёк выбрался на берег. Да это же выдра! Теперь стало ясно, кто проказничал все эти дни. Вот так выдра, оставила без улова опытного рыбака! Схватив рыбёшку, похитительница исчезла, но я успел её разглядеть: на вид выглядела хорошо упитанной и даже неуклюжей, но в воде, как известно, – ловкий и стремительный пловец. Она хорошо освоилась в тихой загубинке лесного озера, где легко прокормить себя и своих малышей рыбой, не брезгует выдра лягушками, пиявками, ящерицами, которых здесь в изобилии, не гнушается змеями и мышами. Не прочь полакомиться раками, утиными и чайчьиными яйцами, разоряя птичьи гнёзда на зыбких кочках. А уж утащить птенца – пуховичка не составит ни малейшего труда.

На другое утро я обнаружил обжитую нору, устроенную под раскидистым деревом среди зарослей ольхи и ивовых кустарников. Возможно, здесь проживает похитительница моей рыбы вместе со своими чадами? Выходит, я устроил бивак возле выдриного жилища. Чтобы не спугнуть

зверьков, я оставил логово в покое, – ведь в случае опасности придётся перетаскивать малышей на другую квартиру. Хотя новую нору строить не придётся, – по берегам озёрной заводи пустующих жилищ хоть отбавляй, стоит только сделать генеральную уборку. Живёт выдра в этих благодатных краях круглый год. Но как же она зимует, ведь озеро покроется ледяной коркой? Зимой выдре, конечно, трудно, ей придётся искать полыньи или отправляться далеко от норы на поиски незамерзающих речек и прудов. Но, отдаляясь от спасительной воды, она рискует попасть в лапы беркута, орлана или рыси.

Теперь, освоившись с моим соседством, скрытая выдра осмелела. Сообразительная и находчивая, она зачистила ко мне за вкусным угощением, оставленным ей на берегу. Вот и сейчас, схватив рыбёшку, воришка опрометью бросилась домой угощать своих малышей. А я не уставал поражаться её смелости и ловкости.

Вот так рыбак рыбака и не заметил, вопреки поговорке: «Рыбак рыбака видит издалека». Но я ничуть не обиделся на проказницу. Наоборот: успел подружиться с хитроумной рыбачкой, ведь она своим появлением скрашивала моё отшельничество на необитаемом острове.

На будущий год я непременно вернусь на берега потаённого залива лесного озера. И как знать, может быть, ко мне опять наведается в гости та самая знакомая – рыбачка выдра.

Ласточкина любовь

*Травка зеленеет,
Солнышко блестит;
Ласточка с весною
В сени к нам летит...*

Алексей Плещеев, 1858 год

Почему ласточка весною в сени к нам летит? Почему доверяет человеку, не боится селиться под крышами жилых домов, хлевов, сараев, бань? Порой, до гнезда рукой подать.

Пришла весна капризная: слякотная, плаксивая, то снег, то дождь, то снова небо голубое. Солнце, не жалея света и жара, старательно размывает обильные снежные надувы и ледяные оковы озёр. Казалось, мокроте не будет конца. Всё кругом хлюпает, булькает и парит. В лесу земля, изъеденная чёрными проталинами, пахнет прелым листом и жухлой травой прошлогоднего лета. Долго не распускается длинноносая берёза, обильно струясь живительным соком. Значит, весна будет затяжная, а лето короткое и дождливое.

Вдруг по небу заметалась стая говорливых ласточек. И люди обрадовались: «Посмотрите, ласточки прилетели! Теперь уж точно наступит долгожданное лето». И правда, природа поворотила на лето. Громко лопаются пахучие почки берёзы и тополя. Воздух наполняется живительной свежестью зелёной поросли. А в саду белым – бело: черёмуха вся в подвенечном платье. Сирень пылает фиолетовым огнём. Набухли почки яблони и вишни, готовые к цветению. Мелодии любви выводят соловьи, заливаются, щелкают, по ночной тишине ударяют звонкой трелью. В лесных низинах, пьяня и дурманя тонким ароматом, распустились ландыши фарфоровыми колокольчиками. А на воде – то, праздник! Бурно плещутся рыбы: начался нерест. К солнцу тянутся травы: разворачиваются листья кувшинок, выстреливают стебли рдеста и стрелолиста, острыми иглами пробивается камыш. Над водой роем толкутся комары, мошкара, лягушки в тихой загубинке распевают брачные песни, играют шумные свадьбы. В полях трещат кузнечики, предвещают сухую погоду. Тише, не шумите, птицы сидят на гнёздах! А весна торжествует, бурлит, клокочет, – рождает новую жизнь.

Сейчас у ласточек горячая пора: надо найти пару, построить гнездо, вывести птенцов и до холодов подготовить их к самостоятельной жизни. Люди давно заметили: с прилётом ласточек начинаются первые громы, после которых приходит настоящее лето. Если птицы летают высоко, то погода будет солнечная и тёплая, а если низко – быть ветру и дождю. Почему? – В сухую и ясную погоду стрекозы, подёнки, бабочки, комары летают легко и высоко. А перед грозой, когда воздух насыщается влагой, насекомые льнут к земле, и птицы спускаются за ними. Ласточка – прекрасная летунья: лёгкая, подвижная, виртуозно маневрирует в воздухе, даже воду пьёт на лету.

«Ласточка с весною в сени к нам летит», – образно говорит русский поэт. Трогательные стихи вдохновили композиторов П.И. Чайковского, М.М. Ипполитова-Иванова, Р.М. Глиэра, В.И. Ревикова написать лирические романсы.

Почему ласточка летит к нам в сени? Потому, что человек не возьмёт грех на душу и не обидит изящную птицу в длиннополом иссиня-чёрном фраке с белой манишкой. Одна только ласточка попросила у людей покровительство и получила его. Ей рады в каждом доме. По старинному поверью считается, – если в твоём доме свила гнездо ласточка – быть достатку и порядку, обновлению жизни. А ещё, возле жилья не строят гнёзда опасные хищники – соколы, коршуны, орлы, ястребы – эти охотники любят приволье, им нужны лесные просторы и широкие луга. Получается, что ласточки доверяют людям нести важную миссию хранителя покоя и безопасности пернатого семейства.

Возле моего недостроенного дома уверенный в себе пернатый жених нежными посвистами настойчиво зазывает на свидание подругу, приглашает весёлую щебетунью вместе посидеть на электрических проводах. Изящная ласточка скромно садится рядышком. Ей очень хочется произвести хорошее впечатление на кавалера. Она усердно прихорашивается, чистит пёрышки и крутит нарядной головкой в чёрной шапочке. Кавалер рассмотрел красоту её распрекрасную и остался доволен: от радости он заметался, весело засвистел, взмыл высоко в небо и позвал прелестницу за собой. Птицы дружно кувыркались, догоняли друг друга, хватая на лету комаров и мотыльков. К возвращению было решено – свадьбе быть. И мы назвали эту пару Орфей и Эвридика в честь античного сладкоголосого Орфея, игравшего своей возлюбленной на семиструнной кифаре. Орфей так страстно пел, что очарованные деревья сходили со своих мест, камни придвигались ближе, звери выходили из нор, птицы покидали свои гнёзда. И все слушали, затаив дыхание. Так и наш жених играл на струнах своего звонкого голоса и вдохновенно пел. Леса и озёра, поляны и рощи далеко – далёко эхом разносили гимн торжествующей любви. И люди останавливались, разгибали натруженные спины, всматриваясь в ликующее небо, и радовались птичьему счастью. Великая сила любви согревала сердца человеческие. Изящная невеста благосклонно принимала ухаживания и отвечала взаимностью. Короткими ночами влюблённые сидели рядышком и тихо ворковали, рассказывая о своих чувствах. Целую неделю юный жених ухаживал, обещая радостное будущее.

Но однажды ласточка загрустила. Не дождалась она счастливой семейной жизни, – пора бы потомство заводить, а гнезда всё нет. И тогда неопытный ухажёр догадался, что его сватовство слишком затянулось, и стал искать надёжное место для домашнего очага. И выбрал недостроенную веранду дома. Там оставалось лишь застеклить окно.

Кавалер смело залетал в проём окна, присматривая подходящий угол. Эвридика всякий раз смущалась, её беспокоило, что люди целый день спуют туда – сюда и громко стучат молотками, надо бы подыскать квартирку поспокойнее. Но упрямый жених всякий раз убеждал подругу, что лучшего места для будущих птенцов просто не найти и увлекал её в дом, занятый людьми. Доверчивая невеста терпеливо следовала за суженым, в ужасе прижималась к стене и вить гнездо не хотела. Так прошла ещё неделя. Ласточка была в отчаянии, ведь все её подруги давно не поют любовных песен, а живут в гнёздах и ждут потомство, а она всё сидит на проводах.

Возможно, сладкоголосое пение продолжалось бы долго, если бы однажды рыжий кот не оборвал струны волшебного голоса. А дело было так. Хорошо упитанный кот Барсик давно приметил в доме незваных гостей. Его волновало аппетитное соседство, но он никак не мог подкараулить пернатых солистов. Как – то раз с утра пораньше Барсик вышел на прогулку. Он поймал двух мышек – землероек, помутузил их и бросил в траве, поскольку сытно позавтракал. Потом хитрый плут осторожно прокрался на веранду, залёг в ворохах рабочей одежды и притаился, ожидая, когда в окно влетит вкусный обед. Парочка новобранцев влетела в окно. Только теперь птицы заметили опасность. Но было уже поздно: пути к отступлению отрезаны. Кот занял удобную позицию в проёме окна и приготовился к нападению. Орфей первым метнулся в спасительную щель, но меткий удар цепкой лапы сразил его наповал. Перепуганная Эвридика выпорхнула на свободу и уселась на своё привычное место. Сердечко её трепетало, она долго не могла прийти в себя. Её раненый супруг беспомощно лежал распластанный на полу. Рыжий хищник здорово потрепал свою жертву, перетаскивая с места на место. Довольный своей ловкостью, вояка уселся в позе победителя и стал ждать похвалы. Но вместо одобрения услышал возмущённые возгласы своих хозяев. «Пока люди не отняли праведным трудом добытую птичку, её срочно надо перепрятать», – подумал кот. И только собрался улизнуть, как случилось непредвиденное: вкусный трофей вспорхнул и ринулся на волю. Охотник одним махом выпрыгнул в окно и хотел, было, лететь следом, но свалился в траву. Пернатый супруг заметался, пытаясь сесть возле подруги, и не смог. Он покружил над своей возлюбленной, спел прощальную песню, взмыл высоко в небо и рухнул замертво на землю. Опечаленная ласточка долго сидела в безмолвном одиночестве. Она устала и едва держалась на слабых лапках. Ей не хотелось ни петь, ни летать, она тосковала и терпеливо ожидала суженого. Время шло, а он всё не возвращался. Только теперь она поняла, что осталась одна.

И вдруг однажды, когда казалось – все мечты рухнули, рядышком уселся стройный кавалер. Ласточка воспряла духом. Может, ещё не всё потеряно? И ей снова захотелось нравиться. Она радостно защебетала и стала прихорашиваться,

всем видом показывая, что одинока и готова всё начать сначала. Новоиспечённый ухажёр быстро разобрался, в чём тут дело, и, недолго думая, увлёк вдову под крышу покосившегося дровника, где парочка выстроила домик из веток и сухой травы, склеенных глиной, и выстлала гнездо утиным пухом. Так под крышей старого сарая началась счастливая семейная жизнь.

Прошло три недели, и случилось радостное событие: появилось новорождённые птенцы. Родители без устали носили им мошек. И вот однажды вся семья покинула родное гнездо и уселась на проводах. Родители торопились: только бы успеть до наступления холодов научить малышей летать и самостоятельно кормиться. Слётки встали на крыло, начались первые уроки воздухоплавания. Обучение давалось нелегко. А тут ещё подули колючие ветра, листва пожелтела и посыпалась с деревьев. Наступила осень. Студёный ветер безжалостно трепал неокрепших птах, беспощадно закручивая в воздухе.

Теплолюбивые птицы собираются в стаи: готовятся к отлёту в тёплые края. Только наши ласточки останутся дома. Занятия в школе жизни продолжались весь световой день. Натуженный стон высокоствольный сосен, пронизывающие ветра и вороха отживших листьев, размётанных по земле, напоминали о скором приближении первых заморозков. А над остывающим озером мелькают силуэты птиц в чёрном фраке, – это ласточки без устали учат малышей добывать комаров, мотыльков, стрекоз. Птенцам надо основательно подкрепиться перед дальней дорогой. У насекомых тоже сейчас ответственная пора: они роятся над густо заросшими заливами и торопятся до холодов отложить потомство в заилённых заберегах.

И вот наступил день, когда вся семья в сборе. Но пернатые уже давно улетели. Неужели птицы погибли? А тут зарядили дожди холодные, дни стали тёмные. Ласточки теперь не летают, они нахохлились и тихо сидят на проводах.

И вдруг однажды прозвучал знакомый перезвон запоздалой стаи ласточек. Родители мигом взмыли в небо. Птицы поднялись высоко – высоко и позвали за собой малышей. Они сделали прощальный круг над нашим домом, озером и лесом, над лугами и родными местами, пропели гимн торжествующей жизни и растворились в холодной синеве небес. И пусть летят они над всей землёй, птицы вольные и свободные, и несут людям радость великую. А на другой год, когда травка вновь зазеленеет и солнце ярко заблестит, ласточка с весною к нам снова в гости прилетит.

Маслят по осени считают

Лодочный мотор взревел, оглашая спящие леса грохотом, и катер рванул на полной скорости. Мы отправляемся за грибами на острова обширного озера. В пору золотой осени моховые вершины скал, поросшие густым хвойником, и топкие низины преподносят вкусные дары леса – мясистых маслят, а с ними и моховиков, что обживают мшистые хребты. А если повезёт, то и белых грибов наберём. А с ними и ягод: брусники, морошки, клюквы.

Всё вокруг ждёт рассвета. Солнце лениво выкачивается из-за сосновой гривы и, сладко потягиваясь, рассыпает лесу, небу, воде, – всему живому и неживому нежные улыбки. Чтобы не спугнуть трепетную тишину, утреннюю негу озера и стыдливую задумчивость полуобнажённых дубрав, мы заглушаем мотор и плывём на вёслах. Лишь поскрипывание уключин и лёгкие всплески воды нарушают покой. Чайки ещё дремлют, они тихо сидят на каменистых грядках, на скалистых мысах. Все положенные дела они сделали: вывели птенцов, научили их летать и добывать пищу. А сейчас птичьей стае предстоит дальний перелёт в тёплые края. Птицы ведут себя степенно, без суеты, со знанием дела готовятся к важному событию. И только редкими переключками сообщают о готовности.

Лодка тихо подошла к острову. Здесь всегда много маслят и маховиков. Названы так грибы за маслянистые шляпки, от которых грибной суп лоснится жиром. Собирать маслят – одно удовольствие, особенно на моховых залысинах в белоснежном ягеле, – кругом жёлтые, коричневые шляпки, только поспевай кланяться! Почему маслята и моховики любят селиться на моховых подушках? Потому, что мох всегда влажный, мелкими листочками собирает влагу не только от дождей, но и утренней росы, и долго её сохраняет. А грибам того и надо: напитаются чужой влагой и растут на радость грибникам, пыжятся на крепких ножках, распираются губчатыми шляпками цвета сливочного масла. Моховики похожи на маслят, только шляпки темнее. Такие же вкусные и жирные.

Тенистые дубравы ещё спят волшебным сном, укутанным ленным утренним туманом. Затяжные осенние дожди и ураганы нарушили привычный порядок в лесу: тропинки завалены ворохами опавших листьев, сбитых тяжёлым ливнем, много сломанных веток и сучьев.

А рассвет розовеет и плещется алым пламенем. Рябины пылают рубиновыми ягодами, – ими будут лакомиться зимующие птицы. Вот ящерка вылезла на камень понежиться на последнем солнышке. Ловко шмыгнул в густую траву чёрный ужик. Лягушки торопливо спрыгнули с кочек и спрятались под камнями. Это мы – грибники нашествием в богатые кладовые напугали лесных жителей, вот они и попрятались.

А запахи-то какие! Поляны пахнут сочными травами, листьями и грибами – сыроежками да опятами. Хвойник дышит сладковатой хвоей и терпким запахом коры. От воды веет ароматами опавшего тростника, поникшей осоки и отцветшего камыша.

Густо заросший травами берег утопан лосиными следами. Здесь шёл сохатый на водопой, спулся вдоль урочища ручья лесного, тесня мускулистой грудью плотные сплетения кустовья. Копыта проваливаются глубоко в мокрую глину. Лось идёт тихо, остро чуя шорохи и запахи, осторожно, стоит неподвижно в густых зарослях, пройдёшь мимо – не заметишь. А на еловой ветке повис клочок серой шерсти: тут матёрый бык чесал бока свои. Грибы любят пережной. Вот и ходят грибники лосиными тропами. Страшно человеку повстречаться с сохатым великаном, особенно осенью во время гона, да и лось не рад встрече, не дай Бог, человек с ружьём пришёл. Глядь, вся тропа взрыта, дерновина раскидана. Знать, взволнованный страстью самец место копытил – метил, стонал и ревел надрывно, дабы знали местные лосихи, – идёт свататься жених могучий. А там молодое деревце с корнем вывернуто, сучья поломаны: это могучий самец готовился к лихим схваткам с соперником – бодался, силушку богатырскую мерил. Готов бесстрашный бык сразиться с любым встречным, даже с человеком, если тот встанет на его пути.

Компанию нам составила заядлая собирательница грибов Надежда Семёновна. Лет десять назад с ней приключилось на редкость удивительное происшествие: с лосихой повстречалась. Разбрелась ватага «гриболовов» вокруг высоких скал: кричи, не кричи – никто не услышит. А грибов видимо-невидимо. Вроде, шорох какой-то старушке послышался, ветка хрустнула. Подняла бабуля голову, посмотрела – никого. Опять собирает, а грибы не кончаются, да всё белые попадают. Так увлеклась, что чуть головой в лосиху не упёрлась. Встали обе, от страха окаменели: одна статная, длинноногая, а другая миниатюрная. Смотрят они друг на друга, боятся шелохнуться. Лосиха-то давно старушку приметила, затаилась в кустах,

чуть дыша, надеялась, что разминутся их дорожки. Ан, нет. У бабушки корзинка из рук вывалилась, и все грибы просыпались. Лосиха тоже растерялась. Хотела перепуганная старушка назад попятиться, да некуда: сзади камни-валуны скалу подпирают. Куда от греха податься? Звать на помощь боязно: вдруг лосиха с перепугу лягнёт. И решила Надежда Семёновна, женщина нрава доброго, искать общий язык с лесной дамой. Стала она по-человечески с лаской в голосе разговаривать с парнокопытной собеседницей, пытаюсь договориться по хорошему. Суть разговора сводилась к следующему: я тебя не трону, милая, видишь, у меня в руках и ружья-то нет, – и показала лосихе свои натруженные за долгую жизнь руки. И ты меня не обижай. Давай разойдёмся с миром. Ты иди, моя хорошая, своей дорогой, а я грибочки соберу и тоже домой пойду. Лосихе понравилось, как нежно льётся человеческая речь, слушала внимательно, видимо, впервые в жизни, и не перебивала. И, как говорится, женщина женщину всегда поймёт: постояла лосиха, разглядывая миролюбивую старушку, а потом развернулась и скрылась в лесной чаще. Тут только бабуля осознала опасность встречи. Бежать бы подальше от этих мест, ан, нет: грибочки все подобрала, а уж потом наутёк бросилась. Видать, на лесной поляне столкнулись грибные интересы человека и животного. Лоси

любят лакомиться грибами: ядовитыми мухоморами очищаются, а благородные грибы всем по нраву. Вот такие приключения бывают в таёжных лесах.

А под еловой лапой из густой травы выглядывает тёмная шляпка, при виде которой сердце грибника радостно забьётся, – белый гриб – царь лесной. Неужели в одиночестве? Нет, тут целая семейка малышей-крепких собралась. Ну вот, кажется, грибы собраны, а заодно и ягоды: в беломошных низинах морошка желтеет, на в болотных кочках клюква краснеет.

Низко над головой пролетела стая лебедей, трюбя во весь голос: расступитесь. Тянут к югу гуси, на хвостах из тундры заморозки несут. Устали гуси от дальнего перелёта. Сели дружной стайкой в укромную загубинку, скрытую густым тростником, спрятали голову под крыло, дремлют, сил набираются. В этот лес сегодня ходить не надо: пусть птицы отдыхают, им ещё лететь и лететь. Мы свернули в узкую протоку и выбрались на другой островок, сплошь покрытый белым ягелем. Тут-то и набрали маслят.

Так переплывая с острова на остров, набегавшись по камням и кочкам, да поклонившись грибочкам – так, что спину нещадно ломит, возвращаемся с полными корзинками, лукошками, тесками. Все наперебой хвастаются богатой добычей. Каждому хочется поделиться впечатлениями – как удалось перехитрить грибных царей-королей. У кого крупнее гриб, тот и победитель в «третьей» охоте. Почему в третьей? С ружьём в лес пошёл – это наипервейшая из всех охот. Удочку взял и к озеру двинулся – то вторая охота-рыбалка. А кто в живое не целит, а любителю поутру красотой первозданной природы, да с лукошком по опушкам бродит, грибочкам кланяется – то третья, самая тихая и безобидная охота.

Но пора и честь знать, грибов набрали много, – на всю зиму хватит и до следующего урожая останется. А потом все садятся в лодку и затихают, радуясь на редкость яркому дню. И каждый ощущает свою неразрывную связь с природой и благодарность за щедрость её бескорыстную. Мотор взревел и потянул отяжелевший катер к дому, унося опьянённых чистым воздухом грибников.

Осеннее солнце нынче мало стоит в зените и за хвойные гряды быстро катится. И потому торжество его в последние перед ночными заморозками денёчки – во всём золочёном величии. Багряно пылают берёзы, рябины, осины. Вода не нарадуется теплу. Леса нежатся в солнечных бликах. Каждый стебелёк, каждый листочек обласкан небесным светом. И все радуются солнцу, торопятся насытиться живительным теплом перед долгой стужей.

А дома грибы варим, жарим, сушим, солим в кадках, маринуем да в банки закатываем. Но маслята и маховики лучше не сушить: они долго остаются влажными. А быстрее всех сушатся грибы белые.

На ночное небо выкатились звёзды, они сверкают сегодня особенно ярко, а это значит, что под утро будет морозец, и посыплются с деревьев последние листочки. А за грибами мы ещё поедем, подмороженные, они ничуть не хуже.

Почему люди любят собирать грибы? Только ли потому, что это вкусный деликатес? Или потому, что достаются они нам даром? Всё это так. Но есть ещё одна причина. Сбор грибов – это таинственная, с непредсказуемым концом игра – кто-кого? Ты перехитришь грибок и обнаружишь его в укромном тайнике, либо он тебя будет водить вокруг да около, – так спрячется под кочками в ворохах валежника, что не сразу отыщешь. Вот и едем мы – грибники за удачей и за ощущением счастья, которое испытываешь, как в детстве от подаренной игрушки. Всякий раз, собираясь по грибы, ещё с вечера загадываешь: повезёт – не повезёт? И когда ожидания оправдываются, такое ликование охватывает! И душу распирает нескрываемая радость от богатых даров.

Долгими зимними вечерами, сидя у пышущей жаром печи, нет – нет, да и вспомнишь обильные грибные леса с низинами и мшистыми горами. Погрузишься в приятные воспоминания о своих грибных успехах да и откроешь баночку – другую, сглатывая слюну, маринованных или тушёных в собственном соку маслят с ароматными приправами – укропом, лавровым листом, душистым перчиком и чесночком. Грибочки эти – подарок нам грибникам от зрелой осени. И думается, до чего же вкусно жить с грибами. И всё даром достаётся. Спасибо лесам благодатным! Не скупится природа – берите, сколько нужно, пользуйтесь, всем хватит. За природой дело не станет. Вот только наши души не заболели бы жадностью, да не зачествились неблагодарностью.

Мой дружок чайчонок

В разгаре яркий весенний день, солнечные лучи обволакивают нежным теплом просторы глубоководного озера. Лодка моя, переваливаясь по пенным волнам, неспешно скользит меж скалистых островков. По берегам среди россыпей гальки и валунов, обросших бородами лишайников, суетятся юркие кулички: выискивают под камушками личинок и червячков. Ловкие трясогузки виртуозно хватают на лету насекомых. А над озером величаво парят белокрылые чайки. Прилетели они сюда с таянием льда: озёрные, морские, серебристые, – и разместились колониями на островках и зыбких плавнях.

Вдруг со скалистого уступа взметнулась чайка. С пронзительным криком она зависла над моей головой. Стало ясно: потревоженная птица защищает родное гнездо. И в самом деле, на каменистом выступе виднелось нехитрое жилище, сложенное из перьев и жухлой травы, а три пятнистых яйца аккуратно уложены на мягкую пуховую подстилку. С тех пор я стал наблюдать за птичьим домом.

Озёрная чайка, пожалуй, одна из самых красивых птиц побережья. В брачный период её голова увенчана шоколадно-коричневым капюшоном, а красные лапки и клюв контрастно выделяются на фоне белоснежного оперения.

Самец и самочка оказались хорошими родителями: и в дождь, и в шторм они поочередно высиживают кладку. После усердного выклёвывания скорлупы на свет выбрался пушистый комочек. Птенец запищал, смело заявляя о своём появлении. Непослушный малыш бесстрашно покинул гнездо и заторопился к воде. Но строгий папаша отправил пуховичка обратно в гнездо.

Теперь беспокойным родителям прибавилось забот. Они разыскивали непоседливых детёнышей в зарослях травы и неустанно кружили над озером в хлопотах о сытном пропитании. Обнаружив косяк мелкой рыбы, птицы шумно плюхались в воду,

выхватывая вкусную добычу. А пока кормильцы добывали пищу, чайчата успевали полакомиться комарами и мошками. Кроме рыбы родители баловали птенцов насекомыми и их личинками, а потом и мелкими грызунами. Вот чайка нашла на песчаной отмели моллюска – перловицу. Кормилица взмыла высоко в небо и бросила раковину на камни. Твёрдый панцирь раскололся, обнажив съедобное нутро. Вот обрадуются малыши! Птицы не ленились прочесать пашню, выискивая земляных червей, тесня чибисов, дроздов и грачей. А коль обнаружится выброшенная на берег рыбёха, тут начнётся «пир горой».

Родители ревностно оберегали своё «жилище». Однажды «чужой» птенец заблудился и забрался не в своё гнездо. Несмышлёныша постигала беда, – взрослая чайка жестоко наказывала непрошенного гостя ударами клюва. Но по мере взросления собственного потомства враждебность к другим чайкам исчезает.

Жизнь белоснежных птиц полна тревог. Помимо краж детишек со стороны соседней по колонии гнездовья посещают пернатые грабители. После набегов крупных хищников родители не досчитываются потомства. Орланы любят охотиться в паре. Один на бреющем полёте проносится над колонией.

Стая взмывает ввысь, галдит, гонит нарушителя спокойствия. Этим и пользуется второй орлан, атакуя брошенных на произвол судьбы птенцов. Неожиданно с макушки дерева метнулся пятнистый силуэт: это сокол – сапсан. Выбрав крупную птицу, хищник на лету хватает её и уносит в своё гнездо. Сапсану, видно, мало одной жертвы, он возвращается за новой добычей: стремительный заход на перепуганных птиц, и вот уже второй трофеем бьётся в цепких когтях. Да и что может противопоставить чайка искусному охотнику?

Однажды я совсем близко подобрался к птичьему гнезду. Испуганные малыши неуклюже заковыляли по камушкам и пустились наутёк. Их отважный братец не стал удирать, он прильнул к скале и притих. Крапчатый пух слился цветом с камнем, отчего птенец стал совсем незаметен. Откуда ни возьмись, нагрянули возмущённые родители. Несмотря на их отчаянные крики, я всё же успел коснуться малыша рукой. Птицы готовы были схватиться со мной в неравном бою, исклевать и «забомбить» помётом. Пуховичок неподвижно замер, и лишь тепло крошечного тельца выдавало присутствие живого существа.

Вскоре малыши покинули гнездо и под неустанным присмотром заботливой мамы плавали

возле островка. Но однажды я не досчитался двух малышей. Видимо, хищники проявили интерес к пуховичкам. Часто птенцов подкарауливают хитрые лисицы и ловкие норки. А с небес грозят пернатые охотники, которые берут дань прямо с воды. Выдры хозяйничают на водоёме, да и крупные сомы и прожорливые щуки с удовольствием скушают первогодка. Я ещё много раз подплывал к острову в надежде увидеть пропавших птенчиков. Но они так и не появились. Всякий раз я подкармливал уцелевшего чайчонок кусочками рыбы и привязался к малышу. Подросший птенец теперь осмелел, близко подпускал меня и стал почти ручным. Наша трогательная дружба продолжалась до самых холодов.

Незримо промчалось звонкое лето, и деревья нарядились в жёлто-красное платье. К осеннему перелёту чайчонок основательно окреп, стал на крыло, и теперь от взрослых чаек слётка отличает лишь серое оперение и писклявый голосок. Однажды шумная стая белокрылых птиц устремила свой полёт к незамерзающим морям. С ними в далёкое путешествие отправился и мой знакомый чайчонок.

Пройдёт с ледяным посохом Дед Мороз, проморазивая землю и воду студёным дыханьем, отбушует пурга – танец Снежной королевы. А ранней весной бурные волны разбросают ледовую броню, и я вновь приплыву к маленькому островку. И как знать: может быть, в родные края возвратится мой дружок – чайчонок?

Мраморное озеро, которого нет на карте

*Уникальный уголок земли
на границе старой Швеции и русского Севера*

Любоваться бескрайними просторами тайги, взбираться на высокие скалы и хребты, продираться сквозь густые заросли ельника в поисках потаённого озера, собирать в лесах полные корзины грибов и сочных ягод, рыбачить, плескаться в лодке на гребне могучей волны, бороздить просторы суровой Ладоги в поисках клыкастого судака или зубастой щуки, – всё это особенности отдыха в Карелии. И оказаться на берегу живописного озера самого удивительного происхождения, которого и на карте нет – на Мраморном. Когда-то в этих краях проходила граница старой Швеции и русского Севера.

Озеро Мраморное (мраморный карьер) расплескалось вблизи старинного города Сортавала, что раскинулось по берегам самого большого озера в Европе – Ладожского. Шведы, а затем финны в своё время называли этот город Сордавалла, что предположительно означает «чёрт, вали». Есть и другой перевод. Славяне открыли для себя Карелию ещё в VII -VIII веках, когда ватаги охотников – промысловиков добывали зверя. Посёлки не раз подвергались набегам норвежских, датских, шведских пиратов – викингов. В IX веке Карелия попала под власть Новгорода. В XIII веке новгородский князь

Александр Невский с отрядом в триста ратников прошёл лыжным походом на карелов и финское племя емь. Дружина преодолела сотни км тайги и разбила противника, закрепив карельские земли за Великим Новгородом. Местные жители занимались охотой и рыболовством, знали медь и бронзу, делали железные орудия труда. Сообщались озёрами и реками на лодках, выдолбленных из прочных пород дерева.

Во времена Екатерины II пограничный городок называли Сердоболь, губернатором Олонецкой губернии царица назначила прославленного поэта Г. Р. Державина. Полвеком ранее северное Приладожье было возвращено России в результате доблестной победы над Швецией в ходе Северной войны 1700 – 1721 годов императором Пётром I. Царь, изумлённый богатством лесов, рек, озёр и недр земных, основал Петрозаводск, что на Онеге,

построил крупные железодельные заводы, открыл первый в стране лечебный курорт и распорядился открывать природные кладовые да рачительно ими распоряжаться. Часть земель вместе с городом Сердоболь (Сортавала) Пётр передал во владение фельдмаршалу Бутурлину. Князь, понимая огромную ответственность, усердно выполнял царский указ и собирал людей для добычи камня, которого на вверенных ему территориях неслыханное обилие и разнообразие. Так недалеко от города Сортавала образовался посёлок Рускеала на реке Русколке, где шведы с давних времён вели добычу мраморных руд. Русский люд, несмотря на суровый климат обживал берега Ладожского озера и множества других озёрков и речек, в том числе и речки Русколки, возле которой образовался мраморный каньон. Со временем появились добротные дома, церкви, почтовый тракт. Здесь же стояла русская пограничная батарея. Шведы не раз пытались вернуть потерянные кладовые, да терпели неудачу. Пограничные земли Северного Приладожья много раз становилось мишенью для политических и военных столкновений между Швецией, Финляндией и Россией.

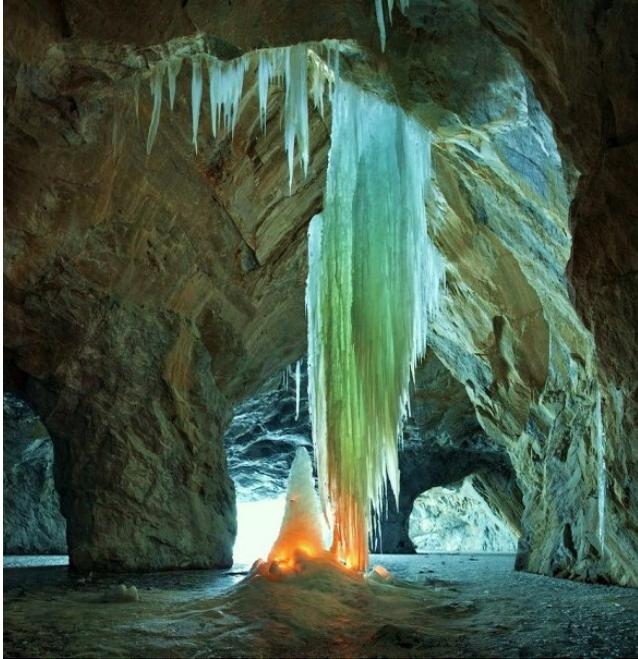
Впервые упоминание о местечке Рускеала приходится на налоговые книги 1500 года на шведском языке. Поселенцы основали посёлки между рекой Русколкой, переименованной позднее в Тохмайоки, и мраморной горой Конткасемяки, где и трудились рудокопы.

Карело-финский эпос «Калевала», а также новгородские летописи, повествуют об освоении людьми скалистых и мало пригодных для возделывания земель задолго до шведской колонизации. В 1113 году новгородцы выстроили в устье реки Волхов первую на Руси каменную крепость Ладогу (ныне Старая Ладога), так необходимую в борьбе со шведами за выход в Ладожское озеро, в реку Неву и в Финский залив Балтики. Со временем здесь

появились посёлки – городища с каменными постройками, монастыри, например, Валаамский и Соловецкий. Многие карьеры по добыче мрамора и гранита разрабатывались монахами.

В период сплошного оледенения глубина материкового льда составляла одну тысячу метров. Вся Карелия тогда покрылась плащом ледниковых валунных наносов. После таяния льдов, примерно 16 тыс. лет назад, горный массив сохранился по сей день в неизменном виде. В результате извержения вулканической магмы к имеющимся минералам прибавились новые уникальные породы. И всё это разноцветное богатство можно увидеть на берегах Мраморного озера, образованного в котловане с глубиной разреза до 200 метров. В окружении изысканной каменной роскоши возникает ощущение, как будто волшебным образом оказался в гостях у хозяйки Медной горы.

Строительный и облицовочный камень доставлялся в новую столицу Санкт – Петербург водным путём через Ладогу, реками Свирь, Вуокса и Нева. С берегов Онеги помимо железных руд везли гранит и вновь открытые зелёный и малиновый кварциты, так называемые шокшинские порфиры. Пётр I из карельского гранита возводил каналы и крепости Кронштадскую и Шлиссельбургскую. Архитекторы Растрелли, Воронихин, Росси, Стасов, Монферран использовали эти материалы при строительстве и в отделке Зимнего, Екатерининского, Михайловского, Мраморного дворцов, Эрмитажа, Петропавловской крепости, Адмиралтейства, Казанского и Исаакиевского соборов и др. Из России камень везли в Париж для изготовления саркофага Наполеона, в Лондон и в Нью – Йорк. Мавзолей Ленина, брусчатка на Красной площади, храмы Кремля, могила неизвестного солдата, национальная библиотека, музей им. Пушкина, метрополитен и многое другое облицовано карельским камнем.

Но вернёмся на Мраморное озеро. Последними добытчиками мрамора на горе Конткасемяки в посёлке Рускеала были финны. К концу Второй мировой войны северное Приладожье в очередной раз вернулись в состав России. Перед своим уходом финны затопили рускеальский карьер. Со временем воды в карьере прибавилось: сквозь расщелины и гроты подземными потоками сюда просочилась вода из родников, речек и многочисленных озёрков. Вот так каньон превратился в необычайной красоты озеро – нарядное, величественное, с белоснежными берегами. На географической карте его не найдёшь. Ощущение, что ты попадаешь в роскошный мраморный дворец под открытым небом. В заброшенных гротах и штольнях круглый год живут летучие мыши, песчаные участки берегов обсыпаны гнёздами ласточек, на кочкарнике нашли пристанище утки и чайки. Здесь останавливаются на отдых перелётные птицы.

Возле Мраморного озера журчит речка Русколка, а ныне Тохмайоки, неглубокая порожистая, с быстрым течением, обычная для русского севера. Известна она не только своей замечательной древней историей, где много веков назад поселились первые жители, но и живописными порожистыми водопадами, знаменитыми ещё и тем, что здесь снимался популярный фильм режиссёра С. Росточкина «А зори здесь тихие». Именно в таком водопаде в холодной сентябрьской воде купалась героиня фильма Женька Комелькова, задорно напевая: «Расцветали яблони и груши...». А если учесть, что вода в здешних местах холодная, а съёмки проходили осенью, то досталась актрисе незавидная доля, не только по сюжету, но и наяву.

Вода в речке рыжеватая, поскольку русло пробивается сквозь скалы с обильным выходом меди. Тихоструйные верховья Русколки прозрачны и чисты, но дальше, насытившись рудами, она приобретает ржавчинный оттенок. Отдохнув от бесконечных скачков через крутые перепады в обширной заводии, вода звонко струится сквозь узкую горловину, ускоряя торопливый бег, перева-

ливаётся через бурые камни, вспенивается бурунами, грозно клокочет и озорно плещется меж гранитных валунов. Зажатая в каменные тиски стремнина рвётся на простор и, вскипая, бурно вырывается из узкого каменного узилища. Неудержимый каскад воды пробивается к каменному уступу и с грохотом обрушивается в очередной котёл, лихо завихряясь в водовороте. Здесь течение переводит дух, спокойно растекаясь вольными струями в каменной чаше. И так десятки верст по течению, рождённая от робкого подземного ключа, преодолевая пороги и котловины, питаясь лесными ручейками и протоками, бежит таёжная речка Тохма к большой воде.

День подходит к концу, путешествие на Мраморное озеро заканчивается. Дневной жар спадает, и прохладные тени ложатся на остывающие скалы. Над водой мельтешат мошки, гудят слепни. По заводям бегут круги и слышится чмокание. Это рыбы вышли на кормёжку на вечерней зорьке, подбирая упавших в воду насекомых. Ветер стихает, в природе замирение, и лишь беспрестанно клокочат немолчные перепады речки Русколки.

Как много загадочного и увлекательного обнаружилось в укротном уголке земли! Какая удивительная, многовековая история протекала на крошечном пятке мало известного участка границы старой Швеции и русского Севера! Потомки первых переселенцев, связавших свою жизнь с добычей камня, раскапывают теперь другую мраморную гору. Но прославленные произведения архитектуры их предков будут вечно напоминать о деле рук многих поколений мастеров. И хочется низко поклониться безвестным труженикам мраморного карьера, ставшего ландшафтным произведением природы и уникальным памятником культуры русского Севера!

